

«И нежный вкус родимой речи так чисто губы холодит...»

Экспресс-газета - 1997 - 8 апр - с. 24

Подарок Бориса Мессерера к юбилею Беллы Ахмадулиной - четырехтомник поэта, вышедший в свет в конце марта. «Это самое изящное из того, что она сделала». Здесь собраны стихи и проза за все годы, начиная с первого сборника «Струна» и заканчивая самыми последними стихами и эссе (в частности, здесь есть написанное в январе этого года эссе «Робкий путь к Набокову», в основу которого положена история встречи с Владимиром Набоковым в 1977 году, во время первого выезда Ахмадулиной и Мессерера за границу). Последней том необычный - «Фотографии разных лет» с предисловием Беллы Ахатовны. Они выделены в отдельную книгу, потому что, по мнению составителя Мессерера, не могут сосуществовать фотографии с изящной словесностью, и обычно они никак не сочетаются по духу и настроению, хотя и стихи, и портреты дают нам образ поэта. «Я больше всего люблю образ Беллы теперешней, потому что сейчас она значительна своей теперешней красотой. Все возрасты замечательны в человеке, и мы любимся друг другом во все времена, но я очень люблю ее сегодняшней расцвет».

В числе иллюстраций в издании использованы и рисунки самого Мессерера, его излюбленный мотив граммафона. «Это как бы символ отверстого горла поэта, выкрик, выдох». Не случайно и в парадном портрете Беллы Ахмадулиной работы Мессерера присутствуют граммафоны. Вообще же, по признанию художника, рисовать ее трудно.

Четырехтомник начался, по словам Бориса Асафовича, с... собирательства.

Очень многие стихи Беллы Ахатовны были потеряны. Она никогда не следила, кому и что отдавала и дарила, многое было похоронено в толще журналов. У друзей и знакомых хранится в книгах огромное количество надписей по случаю, дружеских посвящений. Это вообще самый интересный жанр, в нем поэт чувствует себя максимально свободным, раскованным, это самые живые стихи. Я начал с того, что попросил людей, у которых были такие автографы, отдать нам их ксерокопии. Накопилось около 100 стихотворений, к ним мы составили комментарий, проясняющий для читателей непонятные моменты.

Стараясь бороться с безалаберностью Беллы, с ее манерой зачастую не ценить то, что делает, я стал собирать также переводы, рассеянные по очень многим толстым журналам, таким, как «Литературная Армения», «Литературная Грузия», «Дружба народов» и т.д. В четырехтомник вошли и публикации, которые широкая публика читать не могла. Здесь характеристики поэтов и писателей, предисловия к их книгам. Здесь и некрологи, проникнутые сильным искренним чувством. Может быть, это самое лучшее, что она сделала...

Идея Мессерера - издание «стихов с нагрузкой», ведь не каждое возьмет в руки, например, переводы с языков малых народов. Это почти академическое издание рассчитано на любителей, на искусствоведов и литературоведов. Прежде издавались однотомники Беллы Ахмадулиной, «сливки» ее творчества.

Павел Антокольский сравнил ее искусство с очень хорошо настроенным роялем. «Если за него садится виртуоз... то в ограниченной клавиатуре рояля сами собой рождаются и рыдания скрипичных струн, и взывания трубной меди».

О, звездопад всех точек и тире,
зову тебя, осыпься! Пусть я стгну,
подрагивая в чистом серебре
русалочных мурашек, жгущих спину!

Ударь в меня, как в бубен, не жалея,
озноб, я вся твоя! Не жить нам розно!
Я балерина музыки твоей!
Щенок озябший твоего мороза!

«Таким безумным может быть только поэт», - говорит о Белле Ахмадулиной Борис Мессерер. И в повседневной жизни (а бывает ли у поэтов «повседневная жизнь»?) она ощущает «причастность к этой высшей норме».

Я в январе живу, как в сентябре,
настойчиво и оголтело.

Она лаконична в словах, душой щедра, но в безграничной щедрости своей скорее мудра, чем безрасудна.

Вскричать: «Полцарства за коня!»...

...
О, что полцарства для меня!

Дитя, наученное веком,
возьму коня, отдам коня
за мгновеня с человеком,
любимым мною.

Стихи Ахмадулиной - это стихия. В них, как и в ней самой,

О, извечно гудел и сливался,
о, извечно бесчинствовал спор:
этот добрый рассудок славянский
и косой азиатский напор.

- Характер у нее трудный. Я, можно сказать, всю жизнь живу «под татарским игмом». Но тем не менее мы ладим уже в течение довольно долгого периода жизни, у нас есть правильный подход друг к другу. Но, конечно, иногда мне приходится бороться с ее неукротимым характером. Однако чаще всего ее резкость вызвана даже не характером, а поведением окружающих. Те же, кто знает ее близко, знают, что она человек страшно ранимый. Лишних людей к себе близко не подпускает, не желая открывать свой мир для всякого любопытного.

Белла Ахатовна не любит выступать и не относит себя к эстрадным поэтам. Она очень много времени в своей жизни провела на сцене, но это, по ее признанию, был скорее способ «выжить» и заработать деньги эстрадным путем. А по своей природе она этого не любит и предпочитает уединение. «Пока мы в своей юности болтались на сцене в Лужниках, - говорит она, - такие поэты, как Иосиф Бродский, были в ссылке, и в результате они достигли большего». По ее мнению, уединение способствует развитию личности пишущего человека, оно больше таит в себе и дает больший результат, чем выступления на эстраде. Самые неспокойные стихи пишутся лучше в спокойствии, вдалеке от суеты, хотя сейчас это трудно достигнимо.

Поэтому от публичных выступлений Белла Ахатовна всегда старается отказаться. Но ее почитатели знают, как особенно звучат ее стихи в ее исполнении. Когда она читает - это «стихотворения чудный театр».

И нежный вкус родимой речи
так чисто губы холодит...

Ольга ОГОРОДНИКОВА